

ЛИТЕРАТУРА

1. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
2. Грушевская Т.М. Политический дискурс в аспекте газетного текста. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 110 с.
3. Burghard F. Sprache in der Politik. Linguistische Begriffe und Methoden // Englisch – amerikanische Studien. 1988. № 10. S. 333–358.
4. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin – New-York, 1982. 109 S.
5. Sandig B. Stilistik. Pragmatische Grundlegung der Stilbeschreibung. Berlin, 1978. 367 S.
6. Sandig B. Stilistik der deutschen Sprache. Berlin – New-York, 1986. 278 S.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОЧЕРНИХ ЯЗЫКОВ (на материале языков западногерманской подгруппы)

Либерт Екатерина Александровна

кандидат филологических наук, научный сотрудник,

Институт филологии СО РАН,

г. Новосибирск, Российская Федерация

При попытке типологического описания языковых разновидностей в лингвистике возникает целый ряд проблем, которые могут решаться по-разному в зависимости от конкретных установок. Можно считать нормальными возникающие трудности, учитывая реальную сложность языковых ситуаций в разных регионах планеты, где наряду с государственными языками существуют их национальные варианты, диалекты и говоры, находящиеся в постоянном живом взаимодействии.

В определении статусной отнесенности того или иного языкового образования играют роль факторы различного рода – от внутрilingвистических (структурное сходство, родство и т.д.) и экстралингвистических (государственная и этническая отнесенность носителей данного языкового образования и их языковая ориентация при общении; наличие литературной и письменной традиции и пр.) до субъективных (например, принадлежность автора к какой-либо исследовательской традиции).

К этому следует добавить, что современная социоллингвистическая терминология недостаточно дробно разработана. В русской традиции приняты такие термины как говор, наречие, диалект, диалектная зона, национальный язык и его варианты. Наиболее разработанной представляется терминология, сложившаяся в немецкой лингвистической традиции, где наряду с такими понятиями как язык, национальный вариант, диалект имеются и более дробные термины, как-то Ausbausprache, Dachsprache,

Muttersprache, Mischsprache, дающие возможность более адекватного описания германских языковых образований.

С одной стороны, не подлежит сомнению самостоятельный языковой статус скандинавских языков, несмотря на относительно позднее взаимное расхождение, имевшее место не ранее XV в. [Берков 2001: 126, 142, 161].

Английский, немецкий и нидерландский являются не только национальными языками, но и выступают в национальных вариантах, которые не сводимы к понятию диалектов. Так, наряду с британским неоспоримо сосуществуют американско-канадский, австралийский, новозеландский и другие варианты, с собственно немецким языком - его австрийский и швейцарский варианты, нидерландский язык представлен двумя вариантами - голландским и фламандским [ЛЭС 1990: 102, Берков 2001, Hutterer 1975].

Как и национальные языки, национальные варианты могут распадаться на диалекты. При этом некоторые диалекты, обслуживающие прилегающие территории, имеют порой особый статус официальных языков. Речь здесь идет, прежде всего, о двух таких языковых образованиях Германии - рейнско-мозельском диалекте и швейцарском немецком. Так, рейнско-мозельский диалект на территории Люксембурга приобретает черты отдельного языка и является, наряду с немецким и французским, языком повседневного общения. Что касается швейцарского языка (Schwytzertütsch), то под этим названием объединены верхнеалеманские говоры, распространенные не только на юго-западе Германии, но и на территории соседней. Он используется в качестве языка обиходного общения и имеет статус официального (например, на швейцарском ведется преподавание в школе).

Кроме того, диалект может быть вынесен за пределы континента, постепенно становясь колониальным. Таковы колониальные немецкие говоры Украины и восточной Европы, Румынии, Венгрии [Berend 1994: 29].

В общем ряду выделяются языки, прямые потомки древних языков и племенных диалектов. Они имеют различный языковой статус, от государственных общенациональных языков до малых диалектов. Например, исландский - ближайший наследник древнескандинавского - имеет на сегодняшний день статус государственного национального языка. Иной случай подобного рода - фризский язык. Веками существовавший в нидерландском окружении, он сохраняет своеобразие и черты исходного древнефризского, оставаясь негосударственным языком устного (преимущественно) общения [Fokkema 1948, Hutterer 1975, Tiersma 1985, Hoekema 1992].

Тем не менее, критерии разграничения языков и диалектов остаются недостаточными даже применительно к германскому материалу, где существуют языковые образования совершенно особого рода - африкаанс, идиш и плотдич, которые в силу своей уникальности заслуживают отдельного внимания.

Африкаанс сформировался на рубеже XVII-XVIII вв. в специфических условиях южно-африканской Капской колонии на основе диалектов голландских переселенцев. Географическая отдаленность от метрополии, недостаток регулярных контактов и разрыв культурных связей с ней, неоднородный состав населения колонии, иноязычные влияния - все это привело к необычным результатам, принципиально важным в двух отношениях - социолингвистическом и структурно-типологическом.

Оторванный от своих корней и сформировавшийся на другом континенте в условиях изоляции, африкаанс не является национальным вариантом нидерландского языка в отличие, например, от национальных вариантов английского в США, Канаде или Австралии; он имеет официально признанный статус особого, одного из двух государственных языков Южно-Африканской Республики (наряду с английским).

С другой стороны, в структурно-типологическом плане его никак нельзя считать колониальным диалектом голландского, подобным, например, пенсильванско-немецкому в США, в целом сохраняющему общие типичные характерные черты западносреднемецкого (рейнско-франкского) диалекта.

Решающим для определения статусной отнесенности африкаанс является и тот факт, что в Голландии на этом языке никто не говорит.

Другим примером подобного рода может служить язык идиш. Так же, как африкаанс, он прошел путь своего формирования вдалеке от материнского языка, в данном случае немецкого. Согласно исследованиям, идиш возникает в Центральной и Восточной Европе в X-XII вв. н.э. [Фалькович 1966: 599] на основе средненемецких диалектов с обширными заимствованиями из древнееврейского и арамейского, а также из романских и славянских языков [Wolf 1962; Jakobson 1962; Hutterer 1975; Берков 2001]. Этот язык, которым пользовались евреи средневековой Германии (иврэ-тайч), являлся не особым языком, но этнокультурным диалектом немецкого. Однако постепенно, по мере миграции еврейского населения, пути развития иврэ-тайч и немецких говоров стали расходиться. Особенностью идиша становилось не только наличие в нем семитизмов, но и своеобразие интеграции в него германских слов, грамматических форм и целого ряда фонетических особенностей.

К XVII в. по мере миграции еврейского населения сфера употребления иврэ-тайч сокращалась, и в XVIII в. этот диалект перестал существовать как диалект немецкого. Однако в то время как идиш постепенно вытеснялся местными государственными языками из Западной Европы во второй половине XIII в., он развивался в Польше, Литве, Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Галиции и Румынии; происходило дальнейшее смешение еврейских говоров, усиливалось воздействие древнееврейского и славянских языков, возникали новые еврейские территориальные диалек-

ты, которые обогащали уже тогда существовавший литературный идиш [Фалькович 1966: 600].

Наконец, язык меннонитов – плотдич (Plautdietsch), получивший свое окончательное оформление так же, как идиш, на территории юга бывшей царской России (современная Украина). Поначалу немногочисленные последователи фризского проповедника Менно Симонса, основавшего первую общину в Гронингене (Нидерланды) в XVI в., в результате длительных гонений со стороны церковных и светских властей, неоднократно меняли свое место жительства. Примерно в середине XVI в. меннониты начинают переселяться из Нидерландов на территорию Пруссии и Польши. Получив в 1789 г. особое приглашение и привилегии русского царского правительства, первая группа меннонитов поселяется в устье реки Хортица при Днепре (позже так называемая старая колония (Altkolonie)). Следующее поселение было основано недалеко от первого на реке Молочная (Neukolonie) [Penner, Gerlach 1984, Quiring 1985, Tolksdorf 1985].

Важным является тот факт, что на территории Германии плотдич не существовал в том виде, каким он долгое время был на территории бывшего СССР, выступая в работах исследователей как «нижненемецкий говор» [Jedig 1966, Авдеев 1967, Валл 1974]. Однако многие исследования подтверждают, что язык меннонитов Хортицы, как и язык меннонитов России, больше не был представлен нигде в мире [Quiring 1985: 42, Kanakin, Wall: 40]. И только в 90-е годы, в период массовой эмиграции меннонитов из России в Германию, плотдич начинает звучать среди немецкого населения и воспринимается (что опять же показательно) как совершенно чужой язык.

Плотдич складывался из нижнефранкских, нижнесаксонских и фризских элементов, оформляясь вдалеке от языков-источников. Он соединяет в себе как особенности фризской фонологии, так и грамматику голландского и немецкого языков. Вместе с тем этот язык, дочерний немецкого, резко отличается от нижненемецких диалектов прежде всего своим звуковым строем [Jedig 1966: 14, Авдеев 1967: 84; Nieuweboer 1963, Brandt 1991].

Является очевидным чрезвычайно яркое своеобразие фонетической системы плотдич при сопоставлении ее со звуковым строем других германских языков (фризского, голландского, литературного немецкого), а также со звуковым строем нижненемецких диалектов. Свойственные ему фонологические черты, затрагивающие как вокализм, так и консонантизм, весьма разнородны; в отличие от языка идиш, они возникли не под славянским влиянием и порознь представлены в разных германских диалектах, однако их сочетание уникально [Nieuweboer 1963, Quiring 1985, Tolksdorf 1985].

Богатство вокалической системы обеспечивают, прежде всего, дифтонги. Среди исследователей наблюдается расхождение во мнении относительно их количества. Наиболее яркой особенностью этого языка явля-

ется наличие в нем дифтонгов трех типов: «расширяющиеся» [iə/uə] и [ɛʌ/ɔʌ], «сужающиеся» [ɛi/ɔu], и «обращенные» [əi/əu] [Kanakin 1994: 4].

В области консонантизма обращает на себя внимание широко представленный ряд палатальных согласных $t' - d' - n' - j - \zeta$ ([t'lin] (нем. *klein*), 'маленький', [trid'] (нем. *zurück*) 'назад', [hen'] (нем. *Hände*) 'руки', [jlet'] (нем. *Glück*) 'счастье', [aʃt] (нем. *echt*) 'подлинно' [Kanakin 1994: там же]), исторически возникший в результате щепления заднеязычных. Это известная англо-фризская особенность [Миронов 1973: 57, Плоткин 1982: 47], совершенно не свойственная ни нижнефранкскому, ни саксонскому, ни тем более верхненемецким диалектам. В плотдич этот ряд представлен даже полнее, чем в самом фризском [Brandt 1991: 44].

Поэтому некоторые авторы (например, Т. де Граф (deGraaf) и Р. Ниевебур (Nieuweboer)) склонны объяснять становление палатального ряда согласных в плотдич влиянием соседних славянских языков, прежде всего, польского и кашубского [deGraaf, Nieuweboer 1993: 188]. Такое объяснение не может быть принято: славянская палатализация носит принципиально иной характер и не ограничена одним локальным рядом; более того, выделение палатального ряда и корреляция палатализации взаимно несовместимы [Трубецкой 2000: 146–147], участие же фризского элемента в плотдич не подлежит сомнению [Авдеев 1967, Kanakin, Wall 1994].

Таким образом, общим для всех трех языков были специфические условия их образования в пространственной изоляции от языков-источников. При этом в структурно-типологическом плане своеобразие африкаанс проявляется на уровне морфологии, а в идиш и плотдич – на фонологическом уровне.

Между судьбами двух последних дочерних языков – идиш и плотдич обнаруживается целый ряд сходств. Они обслуживают особые этноконфессиональные группы, примерно сходные по своей численности. Оба языка получают окончательное оформление на территории России примерно в одно и то же время. Носители этих языков в настоящее время рассеяны по всему миру (носители идиша живут в Израиле, Америке, России; меннониты, говорящие на плотдич – в Канаде, Америке, Африке, России). Объединяющим фактом является и то, что оба языка представлены на территории Сибири.

Рассматриваемые языки являются самыми молодыми среди германских и, благодаря ряду типологических сходств, могут быть объединены в рамках единой таксономии. Наиболее удачным названием для них представляется термин «дочерний язык» (Tochtersprache), предложенный в германистике А. Бахом и поддержанный К. Хуттерером в 1975 г. для африкаанс [Бах 1956: 191, Hutterer 1975: 285]. Подобно тому, как африкаанс является дочерним языком относительно нидерландского, так идиш и плотдич – дочерними относительно немецкого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев И.Е. Фонетическая система нижненемецкого говора Алтайского края в ее историческом развитии // *Германские языки: сб. тр.* Новосибирск, 1967.
2. Берков В.П. Современные германские языки. М., 2001.
3. Бах А. История немецкого языка. Иностранная Литература. М., 1952.
4. Валл Г.И. Словообразовательные модели нижненемецкого говора Омской области: автореф. канд. филол. наук. Калинин, 1974.
5. Весен Э. Скандинавские языки. М., 2004.
6. Миронов С.А. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М.: Наука, 1973.
7. Плоткин В.Я. Эволюция фонологических систем. М.: Наука, 1982.
8. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
9. Фалькович Э. М. Еврейский язык (идиш) // *Языки народов СССР.* М.: Наука, 1966. Т. 1.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцевой. М., 1990.
11. Эдельман Д.И. К проблеме «язык или диалект» в условиях отсутствия письменности // *Теоретические основы классификации языков мира.* М., 1980. С. 127–147.
12. Berend N., Mattheier K. Sprachinselforschung. Eine Gedenkschrift für Hugo Jedig. Peter Lang Europäische Verlag für Wissenschaften, Frankfurt am Main, 1994.
13. Brandt C. Sprache und Sprachgebrauch der Mennoniten in Mexiko. Göttingen, 1991.
14. De Graaf T, Nieuweboer R. De taal der Mennoniten in Sibirie en hunrelatiemey-Nederland // *DoopsgezindeBijdragenniewereeks* 19 (1993), Doopsgezinde Historische Kring, Amsterdam, 1993.
15. Fokkema K. Beknopte Friese Spraakkunst. Groningen, Batavia, 1948.
16. Hoekema T. Kurze Formenlehre des WesterlauwerksFrysk. Nordfriesische Wörterbuchstelle der CAU Kiel. Kiel, 1992.
17. Hutterer C. J. Die Germanischen Sprachen. Ihre Geschichte in Grundzügen. Budapest, 1975.
18. JakobsonR. Звуковые особенности, связывающие идиш с его славянским окружением // *SelectedWritings. Phonological Studies,* Mouton&Co. 'S-Gravenhage, 1962.
19. Jedig H. Laut und Formenbestand der Niederdeutschen Mundart des Altai – Gebites. Berlin: Akademie Verlag 1966.
20. Kanakin I., Wall M. Das Plautdietsch in Westsibirien. Groningen, 1994.
21. Penner H., Gerlach H., Quiring H. .Weltweite Bruderschaft. Verlag Mennonitischer Ghesichtsverein. 4.te Auflage. 1984.
22. Quiring J. Die Mundart von Chortitza in Südrussland. Münster, 1985.
23. Tiersma P. M. Frisian reference grammar. Foris Publications, 1985.
24. Tolksdorf U. Die Mundarten Danzigs und seines Umlandes // *Danzig in acht Jahrhunderten.* Münster, 1985.
25. Nieuweboer R. The Altai Dialect of Plautdietsch (West-Siberian Low German). Groningen: Rijksuniversiteit, 1963.
26. Wall H., Wendel S., Jedig H. Niederdeutsch – Deutsches Wörterbuch. Omsk, 1979.